

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА МОЛОДЫМИ ВЗРОСЛЫМИ С ОПЫТОМ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В ДЕТСТВЕ

Фаустова А.Г., Кленкова А.Д., Жогина А.А. (Рязань, Россия)

Фаустова Анна Геннадьевна

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова»; старший научный сотрудник лаборатории прикладной психофизиологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России.

E-mail: anne.faustova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8264-3592>

Кленкова Анастасия Дмитриевна

Старший преподаватель кафедры клинической психологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова».

E-mail: antrusowa@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3187-8676>

Жогина Алена Андреевна

Студент факультета клинической психологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова».

E-mail: zhogina1707@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8846-1658>

Аннотация

Физическое и психологическое насилие, пережитое в детском возрасте, значительно трансформирует траекторию когнитивного и личностного развития, детерминируя восприятие социальных ситуаций и одиночества через ранние дезадаптивные схемы и когнитивные искажения. Цель. Изучение особенностей переживания субъективного одиночества молодыми взрослыми, перенесшими жестокое обращение в детском возрасте. Методы и материалы. В исследовании приняли участие 90 молодых взрослых (средний возраст – 20,8+4,2 лет, 53% женщин), различающиеся по наличию опыта жестокого обращения. Использовались методики: «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества», «Опросник

переживания одиночества», «Опросник когнитивных ошибок, CMQ», «Схемный опросник Янга, YSQ S3R», «Опросник детской травмы, CTQ-SF». Результаты. Молодые взрослые, перенесшие психологическое и физическое насилие в детстве, демонстрируют значимо более высокий уровень субъективного одиночества, чем их сверстники без подобного психотравмирующего опыта. Выявлена качественная разница в структуре корреляционных связей между различными аспектами переживания одиночества, ранними дезадаптивными схемами и когнитивными искажениями в зависимости от разновидности жестокого обращения, пережитого в детстве. Выводы. Специфика переживания субъективного одиночества во взрослом возрасте связана с характером жестокого обращения, пережитого в детстве. Выявленные закономерности могут быть использованы для разработки специализированных программ медико-психологического консультирования молодых взрослых, перенесших жестокое обращение, в целях преодоления негативных аспектов субъективного одиночества.

Ключевые слова: одиночество, жестокое обращение, ранние дезадаптивные схемы, когнитивные искажения, ранняя взрослость

Для цитаты: Фаустова А.Г., Кленкова А.Д., Жогина А.А. Особенности переживания одиночества молодыми взрослыми с опытом жёсткого обращения в детстве. // Медицинская психология в России: сетевой науч. журн. 2026. Т.18. №3(91). С.73-81. URL: <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-72-80>.

Введение

Всемирная организация здравоохранения рассматривает одиночество в качестве одного из кризисов общественного здравоохранения, что обусловлено его широкой распространенностью (каждый шестой человек в мире считает себя одиноким), значимым влиянием на физическое здоровье, ментальное благополучие и качество жизни [1]. По данным ВЦИОМ за 2021 год, 19% жителей нашей страны чувствуют себя одинокими время от времени, 4% – постоянно [2].

Возрастная группа от 18 до 29 лет характеризуется самым высоким риском социальной изоляции: до 27% молодых взрослых сообщают о высоком уровне воспринимаемого одиночества [3]. Ранняя взрослость является сенситивным периодом для формирования ключевых жизненных компетенций, установления и поддержания значимых межличностных отношений. Несформированность навыков социальной навигации и дефицит релевантной обратной связи создают условия для устойчивого переживания субъективного одиночества в будущем.

Одним из факторов, провоцирующих переживание одиночества в различных возрастных группах, является неблагоприятный детский опыт, в частности – жестокое обращение [4,5,6,7]. По оценкам ВОЗ, жестокому обращению подвергаются шесть из десяти детей во всем мире (Страны обязуются принять меры по борьбе с насилием в отношении детей, от которого страдают около 1 миллиарда несовершеннолетних, 2025). Физическое и психологическое насилие, пережитое в детском возрасте, значительно трансформируют траекторию когнитивного и личностного развития [8].

Психологическая травма, связанная с опытом жестокого обращения в детстве, приводит к нарушениям привязанности, оказывает негативное влияние на формирование базового доверия и чувства безопасности, что впоследствии находит отражение в ранних дезадаптивных схемах (РДС) и различных когнитивных искажениях [9]. Наиболее подвержены влиянию психологической травматизации базовые убеждения, касающиеся позитивного образа «Я», доброжелательности и справедливости окружающего мира [10]. Ранние дезадаптивные схемы и когнитивные искажения, сформированные под влиянием психотравмирующего опыта жестокого обращения, могут препятствовать реалистичному восприятию социальной ситуации и межличностных отношений, усиливая переживание субъективного одиночества молодыми взрослыми [11].

В обозначенном предметном поле недостаточно изученными считаются такие вопросы, как дифференцированное влияние различных видов жестокого обращения на восприятие одиночества во взрослом возрасте, а также взаимосвязь отдельных видов жестокого обращения – физического и психологического насилия – с конкретными РДС и когнитивными искажениями, потенциально усиливающими переживание субъективного одиночества.

Цель исследования – изучить особенности переживания одиночества молодыми взрослыми в зависимости от вида жестокого обращения, пережитого в детском возрасте.

В качестве **гипотез** выступают следующие предположения: молодые взрослые с опытом жестокого обращения в детстве отличаются от сверстников без подобного психотравмирующего опыта по уровню выраженности воспринимаемого одиночества; опыт

жестокое обращение является значимым предиктором формирования одиночества во взрослом возрасте; взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами, когнитивными искажениями и особенностями переживания одиночества различаются в зависимости от вида пережитого в детстве жестокого обращения.

Материалы и методы

Выборка исследования: 90 молодых взрослых (47 женщин, 43 мужчины) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 20,8±4,2 лет). Все респонденты были распределены на три группы, сбалансированные по полу и возрасту:

1. Экспериментальная группа №1 – 30 молодых взрослых (17 женщин, 13 мужчин), перенесших в детстве психологическое насилие.
2. Экспериментальная группа №2 – 30 молодых взрослых (14 женщин, 16 мужчин), перенесших в детстве физическое насилие.
3. Контрольная группа – 30 молодых взрослых (16 женщин, 14 мужчин) без психотравмирующего опыта, в том числе – опыта жестокого обращения в детском возрасте.

Критерии включения:

- возраст от 18 до 25 лет.
- опыт жестокого обращения, перенесенного в детском возрасте (до 12 лет), который подтверждался с помощью методики «Опросник детской травмы, CTQ-SF» (Д. Бернштейн, адаптация Е.Д. Касьянова).

Для включения в экспериментальную группу №1: наличие психотравмирующего опыта, связанного исключительно с психологическим насилием.

Для включения в экспериментальную группу №2: наличие психотравмирующего опыта, связанного исключительно с физическим насилием.

Для включения в контрольную группу: отсутствие психотравмирующего опыта, перенесенного в детском возрасте.

Критерии исключения:

- возраст младше 18 лет и старше 25 лет.
- опыт воспитания в неполных семьях.
- интеллектуальная неполноценность.
- острое психотическое состояние.
- нарушения опорно-двигательного аппарата, значительно ограничивающие возможности к свободному передвижению.
- наличие постоянного партнера и/или детей.

Методы и методики исследования:

1. «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» (Д. Рассел, Л. Пепло, М. Фергюсон) [12].
2. «Опросник переживания одиночества» (Е.А. Манакова) [13].
3. «Опросник когнитивных ошибок, CMQ» (А. Фриман) [14].
4. «Схемный опросник Янга, YSQ S3R» (Дж. Янг, адаптация П.М. Касьяника, Е.В. Романовой) [15].

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 26. Использованы подсчет описательной статистики, непараметрические критерии Н-Краскела-Уоллиса и U-Манна-Уитни, корреляционный анализ по критерию г-Спирмена, регрессионный анализ.

Результаты

Для проверки гипотезы о влиянии опыта жестокого обращения на переживание одиночества молодыми взрослыми проведено межгрупповое сравнение с помощью непараметрических критериев Краскела-Уоллиса и Манна-Уитни.

У респондентов, перенесших физическое и психологическое насилие в детском возрасте, уровень выраженности субъективного ощущения одиночества достоверно выше, чем у респондентов, не подвергавшихся жестокому обращению в детстве (Табл. 1). При этом не выявлены статистически значимые различия в уровне субъективного ощущения одиночества между группами с опытом физического и психологического насилия по критерию Манна-Уитни.

Таблица 1

Межгрупповое сравнение результатов по «Методике диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» (Д. Рассел, Л. Пепло, М. Фергюсон)

Шкала	Средние значения			Н-критерий Краскела-Уоллиса	Уровень значимости
	Контрольная группа (n=30)	Группа с опытом психологического насилия (n=30)	Группа с опытом физического насилия (n=30)		
Уровень субъективного ощущения одиночества	12,33	28,27	30,47	28,97	0,000

Сравнение групп по уровню выраженности отдельных аспектов переживания одиночества, измеренных по «Опроснику переживания одиночества» Е.А. Манаковой, представлено в таблице 2.

Таблица 2

Межгрупповое сравнение результатов по шкалам методики «Опросник переживания одиночества» (Е.А. Манакова)

Шкала	Средние значения			Н-критерий Краскела-Уоллиса	Уровень значимости
	Контрольная группа (n=30)	Группа с опытом психологического насилия (n=30)	Группа с опытом физического насилия (n=30)		
Переживание одиночества как негативного чувства	8,63	12,70	10,40	9,88	0,007
Одиночество как результат страха брать ответственность за других	10,03	13,80	12	10,17	0,006
Духовное одиночество как отсутствие поддержки, понимания	7,63	14	10,10	21,47	0,000
Физическое одиночество вследствие собственной непривлекательности	7,23	12,40	9	13,35	0,001

Респонденты, пережившие в детстве физическое и психологическое насилие, достоверно отличаются от сверстников без подобного психотравмирующего опыта по всем аспектам субъективного переживания одиночества. При этом сравнение групп с опытом физического и психологического насилия по критерию Манна-Уитни не обнаружило статистически значимых различий по всем аспектам субъективного переживания одиночества.

Гипотеза о том, что опыт жестокого обращения, пережитого в детском возрасте, является предиктором формирования одиночества у молодых взрослых, проверялась с помощью метода линейной регрессии. В качестве зависимых переменных последовательно выступали шкалы методики «Опросник переживания одиночества» Е.А. Манаковой, как независимые переменные выбраны шкалы методики «Опросник детской травмы, СТQ-SF» Д. Бернштейна. На основании данных по выборке респондентов с опытом психологического насилия сформирована регрессионная модель для переменной «физическое одиночество вследствие внешней непривлекательности» ($R^2=0,095$), где значимым предиктором является уровень выраженности перенесенного эмоционального насилия ($\beta=-0,309$, $p<0,05$). Для выборки респондентов с опытом физического насилия сложилась иная регрессионная модель – для переменной «переживание одиночества как негативного чувства» ($R^2=0,189$), в которой значимым предиктором выступает уровень выраженности пережитого физического насилия ($\beta=0,435$, $p<0,05$).

Для проверки гипотезы о том, что физическое и психологическое насилие по-разному влияют на формирование взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами, когнитивными искажениями и особенностями переживания одиночества, использован корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Для респондентов, перенесших в детстве психологическое насилие, переживание субъективного одиночества связано преимущественно с внутриличностными факторами. Так, положительные корреляции обнаружены между переживанием одиночества как негативного чувства и ранними дезадаптивными схемами, характеризующими склонность к самокритике и социальной желательности: «Жесткие стандарты» ($r_s=0,865$, $p<0,01$), «Покорность» ($r_s=0,878$, $p<0,01$), «Самопожертвование» ($r_s=0,615$, $p<0,01$), «Поиск одобрения» ($r_s=0,744$, $p<0,01$). Переживание одиночества как негативного чувства также положительно коррелирует с когнитивными искажениями: «Упрямство» ($r_s=0,775$, $p<0,01$), «Гипернормативность» ($r_s=0,710$, $p<0,01$), «Чтение мыслей» ($r_s=0,736$, $p<0,01$). Физическое одиночество вследствие собственной непривлекательности положительно связано с ранними дезадаптивными схемами «Эмоциональная депривация» ($r_s=0,785$, $p<0,01$) и «Неуспешность» ($r_s=0,761$, $p<0,01$).

Группу респондентов с опытом физического насилия характеризует переживание субъективного одиночества как «защитного» состояния. Так, одиночество для них зачастую происходит из страха брать ответственность за других, что положительно коррелирует с ранними дезадаптивными схемами «Недоверие» ($r_s=0,629$, $p<0,01$), «Подавление эмоций» ($r_s=0,609$, $p<0,01$), «Жесткие стандарты» ($r_s=0,586$, $p<0,01$) и когнитивным искажением «Персонализация» ($r_s=0,598$, $p<0,01$). Переживание духовного одиночества как отсутствия поддержки положительно коррелирует в данной группе с ранними дезадаптивными схемами «Грандиозность» ($r_s=0,607$, $p<0,01$) и «Недоверие» ($r_s=0,593$, $p<0,01$), а также с когнитивными искажениями «Чтение мыслей» ($r_s=0,774$, $p<0,01$) и «Персонализация» ($r_s=0,562$, $p<0,01$).

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что опыт жестокого обращения, пережитого в детстве, действительно оказывает значимое влияние на переживание одиночества во взрослом возрасте. Молодые взрослые, перенесшие в детском возрасте физическое или психологическое насилие, воспринимают себя более одинокими, чем их сверстники, которые не подвергались жестокому обращению, что согласуется с результатами ранее проведенных исследований [7, 16]. Любая разновидность насилия над детьми и подростками приводит к системному нарушению способностей устанавливать и поддерживать безопасные и доверительные отношения с окружающими людьми, формирует устойчивые личностные тенденции к социальной изолированности [7, 17].

Архитектура корреляционных связей между ранними дезадаптивными схемами, когнитивными искажениями и аспектами переживания одиночества различается в зависимости от вида жестокого обращения, пережитого респондентами в детском возрасте.

Для молодых взрослых с опытом психологического насилия характерно переживание одиночества как негативного чувства. Корреляции с ранними дезадаптивными схемами «Покорность», «Самопожертвование», «Поиск одобрения» подчеркивают, что подобное восприятие одиночества неразрывно связано с ощущением утраты контроля над собственной жизнью и необходимостью подстраиваться под окружающих людей. В свою очередь, корреляционная связь с ранней дезадаптивной схемой «Жесткие стандарты» позволяет предположить, что переживание одиночества как негативного чувства происходит из постоянного стремления следовать собственным завышенным требованиям, зачастую в ущерб качеству межличностных отношений. Когнитивные искажения «Упрямство»,

«Гипернормативность», «Чтение мыслей» усиливают переживание одиночества как негативного чувства и социальной тревожности, что согласуется с результатами исследования [11]. Предположительно, это происходит из-за ограниченного ресурса когнитивной гибкости и трудностей с поиском альтернативных вариантов интерпретации социальных ситуаций.

Среди молодых взрослых, перенесших психологическое насилие, преобладает переживание физического одиночества вследствие собственной непривлекательности, которое напрямую коррелирует с выраженностью ранних дезадаптивных схем «Эмоциональная депривация» и «Неуспешность». Убежденность индивида в собственной ненужности, отсутствии необходимой поддержки и понимания, неспособности добиться успеха проецируется на образ тела и трансформируется в переживание физической непривлекательности, которая становится субъективной причиной физического одиночества.

В группе молодых взрослых, подвергшихся физическому насилию в детстве, одиночество выступает производной от страха брать ответственность за других людей, что напрямую коррелирует с наличием ранних дезадаптивных схем «Недоверие», «Подавление эмоций» и «Жесткие стандарты», когнитивным искажением «Персонализация». Данная конфигурация связей позволяет предположить, что физическое насилие формирует убеждение в том, что окружающие люди опасны, им не следует доверять и демонстрировать им свои эмоциональные реакции, следовательно, одиночество здесь становится способом преодоления психологической уязвимости и дистанцирования от потенциально деструктивного межличностного взаимодействия, за которое индивид не готов нести ответственность [18].

Для молодых взрослых с опытом физического насилия характерно переживание духовного одиночества как отсутствия поддержки, что подкрепляется ранними дезадаптивными схемами «Грандиозность» и «Недоверие», когнитивными искажениями «Чтение мыслей» и «Персонализация». Наличие ранней дезадаптивной схемы «Недоверие» подкрепляет убеждение пострадавшего индивида в том, что окружающие люди неспособны обеспечить поддержку и понимание, которые были бы достаточны для преодоления одиночества. Актуализация ранней дезадаптивной схемы «Грандиозность», скорее, носит протективный характер: убежденность в собственном превосходстве и «особом положении» позволяет игнорировать потребность в аффилиации и отражает готовность справляться самостоятельно без поддержки со стороны окружающих людей. Сформированность когнитивных искажений «Чтение мыслей» и «Персонализация» у молодых взрослых, перенесших физическое насилие, связана с «уверенностью» в том, что психологическая поддержка и эмоциональное принятие недоступны из-за некоторых индивидуально-психологических особенностей, тем самым обуславливая высокий уровень духовного одиночества.

Установлено, что различные формы жестокого обращения, пережитого в детском возрасте, по-разному связаны со структурой переживания одиночества у молодых взрослых. Для группы с опытом психологического насилия значимым предиктором физического одиночества вследствие внешней непривлекательности выступил уровень эмоционального насилия. Это позволяет предположить, что эмоциональная травматизация в детстве в большей степени затрагивает сферу самовосприятия, образа Я и представлений о собственной социальной привлекательности, чем вызывает прямое усиление общего чувства одиночества.

Для группы с опытом физического насилия значимым предиктором переживания одиночества как негативного чувства выступила интенсивность пережитого физического насилия. Это указывает на то, что подобный опыт более непосредственно связан с формированием эмоционально окрашенного, болезненного переживания одиночества, сопровождающегося субъективным ощущением отверженности, изоляции и внутренней небезопасности.

Заключение

Цель исследования была достигнута: выявлены специфические особенности переживания субъективного одиночества молодыми взрослыми в зависимости от конкретного вида жестокого обращения, пережитого в детстве. Гипотеза о том, что молодые взрослые с опытом физического и психологического насилия воспринимают себя более одиночками, полностью подтвердилась.

Молодым взрослым, перенесшим в детстве психологическое насилие, свойственно переживание одиночества как негативного чувства, ассоциированного с потерей контроля, самопожертвованием и нереалистичными внутренними стандартами. Для молодых взрослых, переживших в детстве физическое насилие, одиночество носит своего рода защитный

характер: использование ранних дезадаптивных схем «Недоверие» и «Грандиозность» позволяет дистанцироваться от окружающих и преодолеть собственную психологическую уязвимость.

Проведенное исследование подчеркивает актуальность изучения проблемы одиночества в период ранней взрослости, поскольку социальная изоляция в этом возрасте препятствует формированию ключевых жизненных компетенций, в том числе навыков социальной навигации, что впоследствии способно привести к долгосрочному снижению качества жизни и субъективного благополучия.

Понимание того, как психотравмирующий опыт, обусловленный конкретным видом жестокого обращения, трансформируется в ранние дезадаптивные схемы и когнитивные искажения и впоследствии сказывается на восприятии одиночества, позволит разработать более специализированные протоколы оказания клинично-психологической помощи молодым взрослым, столкнувшимся в детстве с физическим и психологическим насилием.

Ограничением данного исследования, требующим дальнейшего изучения, следует считать исключение респондентов с постоянными партнерами и имеющих детей, что было сделано здесь намеренно для обнаружения опыта «чистого» субъективного одиночества. В дальнейшем планируется изучить влияние психотравмирующего опыта жестокого обращения и связанных с ним ранних дезадаптивных схем, а также когнитивных искажений, на качество существующих романтических и семейных отношений, потенциально компенсирующих субъективное одиночество.

Список литературы

1. Социальные связи благоприятно влияют на здоровье и уменьшают вероятность преждевременной смерти // Официальный сайт «Всемирная организация здравоохранения». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news/item/30-06-2025-social-connection-linked-to-improved-health-and-reduced-risk-of-early-death>
2. Одиночество и как с ним бороться: аналитический обзор // Официальный сайт «Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja>
3. Shah H.A., Househ, M. Understanding loneliness in younger people: Review of the opportunities and challenges for loneliness interventions. *Interactive Journal of Medical Research*. 2023;12:e45197.. doi:10.2196/45197
4. Булаткина О.В. Коррекция жизненной перспективы у лиц, переживших психологическую травму. *Горизонты педагогики*. 2020;1–18.
5. Даренских С.С., Трунова А.А. Психологические последствия пережитого насилия. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2020;2(18).
6. Железнякова, Ю.В. Предпосылки развития чувства одиночества. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2014;36:176–184.
7. de Heer, C., Bi, S., Finkenauer, C., Alink, L., & Maes, M. The association between child maltreatment and loneliness across the lifespan: A systematic review and multilevel meta-analysis. *Child Maltreatment*. 2024;29(2), 388–404. doi:10.1177/10775595221103420
8. Лобанова М.И., Холмогорова А.Б. Связь тяжести пережитого в детском и подростковом возрасте насилия с симптомами комплексного посттравматического стрессового расстройства и самооотношения у взрослых. *Медицинская психология в России*. 2024;16(2):17–35.
9. Кочетова Ю.А., Климакова М.В., Емельянова Е.А. Психологическая травма в разные периоды детства. *Социальные науки и детство*. 2025;6(2):27–48. doi:10.17759/ssc.2025060202
10. Падун М.А., Тарабрина Н.В. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности. *Консультативная психология и психотерапия*. 2003;11(1): 121–141.
11. Floyd K., Ray C.D., Boumis, J.K. Cognitive distortions associated with loneliness: An exploratory study. *Behavioral Sciences*. 2025;15(8):1061. doi:10.3390/bs15081061
12. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2025. 672 с.
13. Манакова Е.А. Опросник переживания одиночества. *Сибирский психологический журнал*. 2018;69:149–171. doi: 10.17223/17267080/69/9
14. Фриман А., Девульф Р. Десять глупейших ошибок, которые совершают люди. СПб.: Питер, 2011. 236 с.

15. Касьяник П.М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: СПбПУ, 2016. 152 с.
16. Curtis A., Luchetti M., Prendergast C., Ahern E., Creaven, A.M., Kirwan, E.M., Graham, E.K., O'Súilleabháin, P.S. Adverse childhood experiences and loneliness: A systematic review and meta-analysis. *Social Science & Medicine*. 2025;370:117860. doi:10.1016/j.socscimed.2025.117860
17. Hölte J., Rohner S.L., Thoma M.V., Heim E.M., Nater U. Differential pathways from child maltreatment types to insecure adult attachment styles via psychological and social resources: A Bayesian network analysis. *Journal of Interpersonal Violence*. 2022;38(11–12),7089–7114. doi:10.1177/08862605221140039
18. Zhang Q., Liu Q., Jia M., Zhang S., Zhang L., Cong Z. The relationship between childhood trauma, early maladaptive schema and alexithymia: A multi-group path model of clinical and non-clinical samples. *Frontiers in Psychology*. 2026;17:1754917. doi:10.3389/fpsyg.2026.1754917

References

1. Social connection linked to improved health and reduced risk of early death (2025). Available at: <https://www.who.int/ru/news/item/30-06-2025-social-connection-linked-to-improved-health-and-reduced-risk-of-early-death> (accessed 15 January 2026).
2. Loneliness and how to deal with it: Analytical review (2021). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (accessed 15 January 2026).
3. Shah H.A., Househ, M. Understanding loneliness in younger people: Review of the opportunities and challenges for loneliness interventions. *Interactive Journal of Medical Research*. 2023;12:e45197.. doi:10.2196/45197
4. Bulatkina O.V. Correction of life perspective in persons who have experienced psychological trauma. *Horizons of Pedagogy*. 2020; 1–18. (in Russian).
5. Darenskikh S.S., Trunova A.A. Psychological consequences of experienced violence. *Human Health, Theory and Methodology of Physical Culture and Sports*. 2020;2(18). (in Russian).
6. Zheleznyakova, Yu.V. Prerequisites for the development of feelings of loneliness. *Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology*. 2014;36:176–184. (in Russian).
7. de Heer, C., Bi, S., Finkenauer, C., Alink, L., & Maes, M. The association between child maltreatment and loneliness across the lifespan: A systematic review and multilevel meta-analysis. *Child Maltreatment*. 2024;29(2), 388–404. doi:10.1177/10775595221103420
8. Lobanova M.I., Kholmogorova A.B. Relationship between the severity of violence experienced in childhood and adolescence with symptoms of complex post-traumatic stress disorder and self-attitude in adults. *Medical Psychology in Russia*. 2024;16(2):17–35. (In Russian).
9. Kochetova Yu.A., Klimakova M.V., Emel'yanova E.A. Psychological trauma in different periods of childhood. *Social Sciences and Childhood*. 2025;6(2):27–48. (in Russian). doi:10.17759/ssc.2025060202
10. Padun M.A., Tarabrina N.V. Mental trauma and basic cognitive schemas of personality. *Consultative Psychology and Psychotherapy*. 2003;11(1): 121–141. (in Russian).
11. Floyd K., Ray C.D., Boumis, J.K. Cognitive distortions associated with loneliness: An exploratory study. *Behavioral Sciences*. 2025;15(8):1061. doi:10.3390/bs15081061
12. Raygorodskiy D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie*. Samara, BAKHRAKH-M, 2025. (in Russian).
13. Manakova E.A. Questionnaire of loneliness experience. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*. 2018;69:149–171. (in Russian). doi: 10.17223/17267080/69/9
14. Friman A., Devulf R. *Ten stupidest mistakes people make*. St. Petersburg, Piter, 2011. (in Russian).
15. Kasyanik P.M., Romanova E.V. *Diagnostics of early maladaptive schemas*. St. Petersburg, SPbPU, 2016. (in Russian).
16. Curtis A., Luchetti M., Prendergast C., Ahern E., Creaven, A.M., Kirwan, E.M., Graham, E.K., O'Súilleabháin, P.S. Adverse childhood experiences and loneliness: A systematic review and meta-analysis. *Social Science & Medicine*. 2025;370:117860. doi:10.1016/j.socscimed.2025.117860
17. Hölte J., Rohner S.L., Thoma M.V., Heim E.M., Nater U. Differential pathways from child maltreatment types to insecure adult attachment styles via psychological and social

resources: A Bayesian network analysis. *Journal of Interpersonal Violence*. 2022;38(11–12),7089–7114. doi:10.1177/08862605221140039

18. Zhang Q., Liu Q., Jia M., Zhang S., Zhang L., Cong Z. The relationship between childhood trauma, early maladaptive schema and alexithymia: A multi-group path model of clinical and non-clinical samples. *Frontiers in Psychology*. 2026;17:1754917. doi:10.3389/fpsyg.2026.1754917

THE PECULIARITIES OF LONELINESS EXPERIENCED BY YOUNG ADULTS WITH EXPERIENCE OF ABUSE IN CHILDHOOD

Faustova A.G.,

Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Clinical Psychology, Ryazan State Medical University; Senior Researcher at the Laboratory of Applied Psychophysiology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Klenkova A.D.,

Senior Teacher of the Department of Clinical Psychology, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Zhogina A.A.

Clinical Psychology student, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Abstract: Physical and psychological abuse experienced during childhood significantly alters the trajectory of cognitive and personal development, shaping the way we perceive social situations and experience loneliness through the formation of early maladaptive patterns and cognitive distortions. **Objective.** The study of the experience of subjective loneliness among young adults who have suffered abuse in childhood. **Methods and materials.** The study involved 90 young adults (mean age – 20.8+4.2 years, 53% of women), who differ in their experience of abuse. The following methods were used: "Methodology for diagnosing the level of subjective loneliness", "Loneliness experience Questionnaire", "Cognitive Mistakes Questionnaire, CMQ", "Young Schema Questionnaire, YSQ-S3R", "Childhood Trauma Questionnaire, CTQ-SF". **Results.** Young adults who experienced psychological and physical abuse during childhood exhibit a significantly higher level of subjective loneliness compared to their peers who did not experience such traumatic events. A qualitative difference in the structure of correlations between different aspects of loneliness, early maladaptive patterns, and cognitive distortions has been identified, depending on the specific type of abuse that was experienced in childhood. **Conclusions.** The experience of subjective loneliness in adulthood is closely linked to the type of abuse experienced during childhood. These patterns can be used to create specialized medical and psychological counseling programs for young adults who have been through abuse, in order to help them overcome the negative effects of subjective loneliness.

Key words: loneliness, abuse, early maladaptive patterns, cognitive distortions, early adulthood

For citation: Faustova A.G., Klenkova A.D., Zhogina A.A. Characteristics of the experience of loneliness in young adults with a history of severe childhood maltreatment. // *Medical Psychology in Russia: Online Scientific Journal*. 2026. Vol. 18, No. 3(91). Pp.73-81. URL: <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-72-80>.

Дата принятия 01.05.2026

Accepted for publication 01.05.2026.for all articles № 3(91) 2026